

В статье описывается процесс пространственного переустройства губернских городов в соответствии с представлениями, сформированными в идеальной модели государства, созданной Екатериной II. Градостроительное и архитектурное переустройство провинции рассматривается как составная часть «культурной благотворительности» губернского начальства, попытка воссоздания в российской провинции элементов столичного образа жизни. Модель поведения губернского начальства рассматривается как мессианская возможность создания примера для подражания. В статье описана деятельность тамбовских генерал-губернаторов и губернаторов Р. И. Воронцова, М. Ф. Каминского, И. В. Гудовича, Г. Р. Державина и др.

Ключевые слова: губернская администрация, переустройство пространства, градостроительство, архитектура, культурная миссия, образование общества. /

The article describes the process of spatial reorganization of provincial cities in accordance with the ideas expressed in the model of an ideal state formed by Ekaterina II. Town-planning and architectural reorganization of the province is viewed as a component of the 'cultural charity' of the provincial authorities or an endeavor to recreate the elements of the metropolitan way of life in the Russian province. The behavioral model demonstrated by the provincial authorities is considered to be a messianic opportunity to give an example to follow. The article deals with the activities of Tambov governors-general and governors R. I. Vorontsov, M. F. Kaminsky, I. V. Gudovich, G. R. Derzhavin etc.

Keywords: provincial administration; reorganization of space; urban planning; architecture; cultural mission; the formation of society.

^ В. Боровиковский. Портрет Г. Р. Державина

Роль губернской администрации в преобразовании Тамбова в последней четверти XVIII века /

текст

Надежда Грязнова /

text

Nadezhda Gryaznova

Формирование элитных кругов часто становится ответами на вызовы времени. Так случилось в период правления Екатерины II, когда по замыслу императрицы проводилось переустройство пространства в рамках всеобщего реформирования Российской империи. В основу реформ были положены законодательные акты, которые императрица зачастую составляла сама. Работая над «Наказом», Екатерина II писала Вольтеру, которого она называла своим учителем: «... придется целый мир создавать, объединять сохранять».

Необходимо заметить, что, вдохновленная идеалами эпохи Просвещения, Екатерина II в своих законах создавала тот идеальный мир, ту идеальную модель общества и образ добродетельного гражданина, которые она хотела бы видеть и которыми хотела бы управлять. Ее законы разрабатывались большей частью исходя не из реальной ситуации, а из желания создать новую реальность. Возникла очередная утопическая картина всеобщего благоденствия.

Модель идеального мира не могла не породить модель идеального пространства, образы социальные повлекли за собою образы художественные. Политический идеал, выраженный в законе, должен был материализоваться в идейно-переосмысленном пространстве, которому в новой утопической системе отводилась особая роль. Здание, город и пространство в целом воспринимались здесь в широком смысле слова, как социально-политическая среда, художественный образ которой способен оказывать непосредственное воздействие на формирование нравов. Возникло впечатление, что, изменяя пространство законодательным путем, можно было повлиять и на общественное развитие, сформировать гражданские добродетели.

Но для превращения России в «благоденствующее» государство, наличия одного политического идеала, даже в законодательной форме, было явно не достаточно. Нужны были люди, способные понять и оценить «силу благоволения» императрицы, способные перевести идеальные политические и пространственные образы в конкретные материальные формы. Появление таких людей в провинции законодательно было обеспечено губернской реформой 1775 года. Согласно этому закону, в каждом

губернском штате появилось от 400 до 480 человек чиновников, и «Учреждения для управления губерний», будучи в узком смысле слова административной реформой, опосредованно оказали влияние на формирование в провинции культурной среды.

Замечательным было то, что, не дожидаясь общественного и культурного «пробуждения» провинции, столица делегировала сюда значительное количество государственных чиновников, «оживляя» и побуждая к развитию провинциальное общество. На высшие административные должности (губернаторы, вице-губернаторы) присылались, как правило, чиновники из Москвы и Петербурга, а генерал-губернаторов наместничеств Екатерина II назначала из своего ближайшего окружения: князь Долгоруков, граф Чернышев, граф Брюс, князь Репнин, князь Мещерский, фельдмаршал граф Румянцев, князь Потемкин, граф Воронцов – это была высшая русская аристократия, политическая элита, имевшая непосредственное отношение к управлению государством. Многие из них были люди не просто энергичные и талантливые, но и европейски образованные.

Таким образом, процесс децентрализации как власти, так и культуры состоял в перемещении ее в провинцию в буквальном смысле слова. Определяя обязанности генерал-губернатора и круг его полномочий «яко хозяина своей губернии», Екатерина II не могла не обойтись без очередного идеализированного образа: «Государев наместник... есть... оберегатель государственного императорского величества изданного узаконения, ходатай за пользу общую и государеву, заступник утесненных и побудитель безгласных дел. Словом сказать, нося имя государева наместника, должен он показать в поступках своих добротство, любовь и соболезнование к народу» [1]. Так христианские добродетели приобретали характер должностных обязанностей генерал-губернаторов.

Нас личность государственного чиновника интересует по той причине, что большая часть архитектурных, градостроительных и пространственных преобразований происходила не только под их контролем, но и при их непосредственном участии. Будучи частью государственной политики, архитектура вполне закономерно становилась частью генерал-губернаторской деятельности.

В. Боровиковский. Портрет Е. Я. Державиной

Проект дома губернатора в Тамбове. Губернский архитектор В. А. Усачев (возможно, копия с проекта Н. А. Львова). Российский государственный архив древних актов

The Role of the Provincial Administration in Reorganization of Tambov in the last quarter of the 18th Century

Особенно характерным это явление было для российской провинции по той причине, что провинциальные города часто не имели профессиональных архитекторов. Даже после введения в 1775 году при губернском правлении должности губернского архитектора, профессиональные архитекторы появились далеко не сразу и не везде, так как широкая подготовка архитектурских кадров еще отсутствовала. Поэтому роль государственного чиновника – генерал-губернатора, губернатора, вице-губернатора здесь была особенно велика, и от его инициативности, образованности, и художественного вкуса зависел не только архитектурный облик провинциального города, но порой и его судьба.

Именно государственными чиновниками в конце XVIII века решались вопросы, входящие сегодня в круг профессиональной архитектурной деятельности, – создание новой сети городских поселений и учреждение почтовых дорог (транспортной инфраструктуры, в современном понимании этого значения). Расселенческие процессы оставались исключительно прерогативой генерал-губернаторов, и новой сетью городских поселений Тамбовская губерния была обязана первому наместнику Роману Илларионовичу Воронцову. Благодаря его широкому пространственному мышлению наместничество расширяло границы исходя не только из государственных, но и из личных интересов нечистого на руку генерал-губернатора. Среди современников за ним закрепилась репутация взяточника и мздоимца, недаром ему дали прозвище Роман – большой карман.

В словаре Брокгауза и Ефрона о нем написано: «Своими поборами и лихоимством он довел вверенные ему губернии до крайнего разорения. Слух об этом достиг императрицы, и она в день его именин прислала ему в подарок кошелек. Получив такой «двоязначий» знак монаршей милости при гостях, Роман Илларионович так был им поражен, что вскоре умер». Смятение чувств Романа Илларионовича можно понять, ведь он вполне искренне видел свою миссию на этом посту совсем иначе. Незадолго перед смертью, 7 января 1883 года, он писал сыну Александру: «...и по сие время как в Пензе, так и в Тамбове все дворянство и крестьяне совершенно мне преданы, и как первые из них приезжают в Петербург или

Вид на Тамбов с восточной стороны. 1799 г. Рисунок В. А. Усачева (фрагмент). Российский государственный архив древних актов

Москву, всегда ко мне заезжают, изъявляя благодарность за мою к ним ласку, так и последние, хотя за нуждами своими в Межевую канцелярию или в Сенат, всегда ко мне приходят и благодарят от всего миру за мое об них попечение: ибо я всегда главным правилом поставляю не отпускать от себя никого, не сделав ему в справедливости удовольствия» [2].

Преемником графа Р. И. Воронцова в должности наместника стал Михаил Федотович Каменский, получивший блестящее образование и воспитание в Сухопутном шляхетском корпусе. В Берлине во время подписания мира с Пруссией он был удостоен беседы с Фридрихом Великим и поразил его «смесью ума и учености с необыкновенной пылкостью и какой-то дикостью воображения». Каменский занимал должность рязанского и тамбовского генерал-губернатора с 1783 по 1785 год и получил в конце этого срока чин генерал-аншефа.

В 1781 году от «пылкого воображения» генерал-губернатора оказалась в зависимости градостроительная судьба Тамбова. В одном из рапортов Екатерине II М. Ф. Каменский писал: «Здесьшний преосвященный Феодосий просил меня донести Вашему императорскому величеству, что он представлял в Синод о поправлении здесьняго Архиерейского дома, который построен издавна деревянный и совсем обветшал, покои текут, церковь почти обвалилась... Я осмеливаюсь при сем случае испросить дозволения быть Архитектором при оной перестройке, так как и в построении всего города Тамбова, которого план еще не вышел и находится в Комиссии о

строениях в С.-Петербурге, и если получу высочайшее на то соизволение, то уверить могу ваше величество, что жалоб услышать не изволите, а город будет изрядный».

Неизвестно, приобрело ли это предложение форму конкретного градостроительного проекта, но, судя по дальнейшим докладам, архитектурное воображение генерал-губернатора, в значительной мере опиравшееся на государственную казну, оказалось весьма скромным. Возглавляя наместничество, М. Ф. Каменский уже столкнулся с рядом проблем при перепланировке Рязани, поэтому он предлагал графу А. А. Безбородко: «... в губернии Тамбовской при перестройке городов не соизволите ль вместо прямых улиц по городам оставить оныя как есть переломами и по образцу Москвы расширять только улицы, отступая во оные от дворов... На казенные места да и на ряды, если нет пустых мест внутри города, не лучше ли построить на выгонах, то есть они сами собой переберутся или можно и купить места, которые изберете на такие строения. Притом же не надеюсь я, чтоб такие дворы под площади более пятисот рублей стали; и так для губернских городов того будет не много. В апробированных же городах можно, как вы мне еще в Петербурге о том сказать изволили не держаться всегда того плана, который иногда по косине места и не без затруднения в исполнении».

Творческий порыв генерал-губернатора остался не реализован: предложенные им решения ни в коей мере не соответствовали грандиозным императорским замыслам. Расширенные, но кривые улицы и городские площади, построенные на выгонных местах, то есть фактически на окраине города, не укладывались в рамки градостроительной парадигмы конца XVIII века. Екатерина II не экономила на идеалах, поэтому в декабре 1781 года Тамбову был выдан высочайше подтвержденный план, разработанный в Петербурге по всем канонам регулярного градостроения. Роль архитектора М. Ф. Каменскому явно не удалась, но подобные архитектурные компромиссы можно объяснить отчасти тем, что, занимаясь переустройством Рязани, ему пришлось не просто стать свидетелем перепланировки города, но и на себе испытать весь драматизм ситуации.

Он писал об этом А. А. Безбородко: «В бытность мою в Петербурге имел я честь говорить с вами о построении городов; в Рязани нашел я и подтвержденный план всем городам губернии, по которому уже начали и строиться; в тех местах, где сгорело, все идет способно, хотя и мешкаемо, но в целых городах подвержено то затруднениям: ни один с места нейдет, да правду сказать и иттить жаль имея сады; жмуться без кровли, без потолка, почти и без забора, а ломать велеть – будут дурные следствия и опасно. Вам известно, что у меня и самого дом сломали... а ныне в апробированных городах не без крику, иной кричит и попусту, но встречается и по не имуществу, а помочь без денег нечем».

Судя по последней фразе Михаила Федотовича, государственное финансирование градостроительных мероприятий касалось только строительства общественных зданий, и при разбивке новой планировочной структуры, «переноситься» вглубь квартала на несколько метров жители должны были за свой счет. Масштаб градостроительных преобразований Российской империи был настолько велик, что здесь Екатерине II приходилось жертвовать собственными принципами, провозглашенными еще в «Наказе»: «Если власть хочет построить какое-нибудь общественное здание или провести дорогу, она обязана за это вознаграждать пострадавших».

Несмотря на подобные декларации, денег на переустройство городов отпускалось явно не достаточно, и чтобы ускорить градостроительные работы и, желая помочь вверенным под его опеку горожанам, М. Ф. Ка-

менский снова обратился с просьбой к А. А. Безбородко: «Другое касается до строения городов: вы не можете поверить, как все в домах своих жмуться, не имея сада, а иные и оттого, что перенести нечем. Я прошу государыню приказывать отпустить мне на выдачу в заем строящимся до сорока тысячи рублей; и в случае, если нельзя того сделать, потому, что и прочие места того де требовать будут, то прошу о выдаче мне здесь взаймы на то сорок тысяч рублей с залогом на то деревни моей Ржатского уезда 760 душ» [3]. Подобный поступок генерал-губернатора был вполне в духе екатерининских идеалов, и, хотя «доброхотство, любовь и соболезнование к народу» регламентировались законом, в список добродетелей губернского начальства они входили не всегда: так, в 1788 году при перепланировке Моршанска, его городничий Титов брал с обывателей за места деньги, несмотря на то, что по высочайшему повелению жители должны были получать усадьбы бесплатно.

Притом, М. Ф. Каменского нельзя назвать филантропом или человеком сентиментальным. К старости «дикость воображения», отмеченная Фридрихом II, в буквальном смысле обернулась потерей рассудка. Конец жизни Михаил Федотович провел в своем Орловском имении Сабурово, где выстроил грандиозную крепость, назначение и архитектурная стилистика которой до сих пор приводит в недоумение искусствоведов. Его бесчеловечное отношение не только к крепостным, но и к родным детям вошло в местные легенды и стало причиной преждевременной смерти: графа зарубил топором его же крепостной. Но ведь что-то заставляло этого жестокого человека с таким участием относиться к находившимся под его начальством жителям двух губерний, не должностные же инструкции?

Определенной эпохой в истории губернского центра можно считать деятельность Гаврилы Романовича Державина, служившего губернатором в Тамбове с марта 1786 по декабрь 1788 года. Историк И. И. Дубасов дал такую характеристику городу: «Тамбов во времена Державина представлялся в самом непривлекательном виде. На две тысячи домов-изб в нем было только два просторных дома со всеми барскими угодьями, казенные строения походили на развалины; по улицам в дождливое время было проезде. И только обширный генерал-губернаторский деревянный дворец, наполовину занятый многочисленными губернскими присутствиями, немного скрашивал скучную картину города-деревни... Во дворце была просторная тронная зала с великолепным императорским тронном». Относительно генерал-губернаторского дома известный историк, вероятно, ошибался, так как даже в 1797 году (т. е. всего через десять лет) губернское начальство докладывало в Сенат: «... ветхость... острога и губернаторского дома час от часу увеличивается, а генерал-губернаторский дом угрожает неминуемым падением» [4].

Свои первые впечатления о городе и состоянии дел Г. Р. Державин описал в рапорте генерал-губернатору Ивану Васильевичу Гудовичу: «Я только еще присматриваюсь к распорядкам, относящимся до управления губернии, здесь введенным... Но чтобы кратко изобразить, что при первом моем взгляде на губернию нашел я требующее крайней заботы, то... нестроение присутственных мест и вообще города... Приказ общественного призрения, хотя именем существует, но действием ни мало. Я желал посмотреть смиренного дома, но по непроложенной дороге и за нынешним распутием не могу туда доехать» [5]; «...места присутственные, – писал он, – не только самые бедные и тесные хижины, но и весьма ветхи».

Новый губернатор сразу же приступил к перестройке старых и строительству новых общественных зданий. Уже

через четыре месяца после его приезда был перестроен острог, состояние которого «в ужас привело» поэта при первом посещении. В начале июля 1786 года комендант города Булдаков доносил губернатору, что «...находящиеся в здешнем городе ветхие строения сломаны и весь лес перевезен; и с коего построено белых покоев девять и при них сеней пять; а находящиеся внутри острога избы исправлены, почищены печи, переправлены окна, разделены и утверждены железными решетками» [6].

В это же время шла переписка о постройке дома для народного училища, сиротского дома, богадельни и других заведений Приказа общественного призрения, была предпринята попытка замостить улицы губернского центра, которая, впрочем, так и не удалась. «Благоволите... приказать сыскать (людей. – Н. Г.) вместо тех, которые на работах находятся к употреблению на производстве здесь работ, как то на ломку бутového камня, на собрание в Ценском лесу дров на обделку в рабочем доме кирпичей и на другие городские, хозяйственные работы», – писал Державин тамбовскому коменданту [7].

С момента вступления Г. Р. Державина в должность тамбовского губернатора, между ним и Николаем Александровичем Львовым велась активная переписка, в которой архитектурные проблемы обсуждались постоянно. Предвидя масштабы будущего строительства в Тамбове, Н. А. Львов сообщал Г. Р. Державину: «... теперь пишу на скорую руку, а скоро писать буду много, потому, что пошлю к вам планы готовые уже, а теперь хлопочу, чтобы отправить к вам искусного каменного мастера итальянца, на что имею уже от графа и позволение».

Это письмо было написано 5 мая 1786 года, а уже 19 июня иностранец выехал в Тамбов и с ним, «с сим вручителем, коему давно надо был отправиться», Н. А. Львов передал Г. Р. Державину записку: «Послал я к вам весьма искусного строителя, каменного мастера Лукини, котораго прошу держать в железных рукавицах, а человек он доброй» [8].

Имя Лукини связано со строительством в Тамбове первого театра, который начал возводиться в начале 1787 года, а осенью того же года в нем уже давали спектакли. Относительно способа строительства театра генерал-губернатор И. В. Гудович давал Г. Р. Державину следующие рекомендации: «...почитал бы лучшим, чтоб он построил был так, как вы пишете, наподобие немецких факверков, из дерева и обложен кирпичом» [9]. К несчастью, видимо, это совместное решение и было осуществлено, и при пожаре 1799 года первый тамбовский театр полностью сгорел. Возможно, применение фахверкового строительства было для Тамбова тем техническим новшеством, о котором Державин писал Губовичу: «...покушусь я представить Вашему превосходительству средство, служащее к скорейшему и безубыточному строению нужных заведений Приказа общественного призрения. Ежели Вы их апробировать изволите, то сделать опыт, по примеру котораго авось либо и прочие губернские здания с лучшим успехом нежели ныне строением начнутся о коих Вы изволите прилагать столь горячее старание и требуете о приготовлении к ним материалов» [10].

Нужно сказать, что подобный конструктивный прием был применен не ради подражания немецкой строительной технологии, а имел причины местного характера: тамбовские окрестности не были богаты камнем, а при масштабе развернувшегося в городе строительства, вопрос стройматериалов был одним из главных. Существовавший в городе кирпичный завод не мог разрешить его по той причине, что работы производились здесь колодниками, содержащимися в работном доме, и за отсутствием опытных людей качество кирпича было очень низким, а количество небольшим. Для приискания каменных мастеров Г. Р. Державин посылал в Кострому своего

бывшего секретаря Савинского, по этому же вопросу в Москву был отправлен смотритель тамбовского кирпичного завода Степанов, откуда писал Г. Р. Державину: «... ездили к архитектору Бланку и с ним на Введенские горы, где смотрели делаемый ручной кирпич, а потом к Яузскому мосту, который делается каменный» [9, с. 526].

Степанов вернулся в Тамбов с двумя ящиками кирпичей, взятых для образца, а проблема его производства осталась открытой.

Решить ее попытался тамбовский купец Матвей Бородин, объявивший «что у него имеется готового кирпича один миллион сто сорок тысяча пятьсот кирпичей... да также необожженных сто одна тысяча пятьсот кирпичей». Ассессор строительной экспедиции Смирнов и губернский архитектор Усачев засвидетельствовали его количество и прочность, после чего был заключен подряд на поставку. Но к весне 1787 года кирпич к месту строительства доставлен не был, выяснилось также, что «в готовности и в сараях не находится», и тогда Державин «предписал Тамбовскому коменданту учинить оному кирпичу личное свидетельство с вышеозначенным ассессором Смирновым и архитектором Усачевым, которые могли бы показать, где они точно в прошлом году его (кирпич. – Н. Г.) видели». Комендант «нашел в наличии заготовленного... только 565 320 кирпичей, в том числе необожженных 428 580 кирпичей», при том «наличное количество кирпича к употреблению не годно ибо не хорошо выжжен, а так же ломаный и размоклый, а необожженный кирпич для обжигу и весь не годится», – докладывал Г. Р. Державин И. В. Гудовичу.

Строительные аферы – тема вечная, дело Бородина потом дойдет до Сената, но в тот момент наказание недобросовестного купца не было главной заботой Державина. Весна – начало строительного сезона, и в том же рапорте Гудовичу он хлопотал о другом: «...чтоб не останавливать казенного строения осведомился бы я по всем находящимся здесь кирпичным партикулярным заводам, у кого сколько можно достать кирпичей» [11].

О закупке строительного камня также велись переговоры с тамбовскими помещиками Луниным и Нарышкиным, в имении которых были большие каменные карьеры. Мысли по поиску и доставке строительных материалов настолько занимали тамбовского губернатора, что у него родилась идея по устройству судоходства по реке Цне. В начале мая 1876 года Державин командировал кирсановского уездного землемера Григорова описать берега Цны и обстоятельно исследовать «удобен ли по ней водяной ход от Тамбова до Морши, от Морши до Мокши и даже до самой Оки». Губернатор полагал, что устройство шлюзов на реке даст возможность соединить Тамбов водной артерией с городами Верхнего и Среднего Поволжья, а также со столицей. На этот предмет им даже была составлена и передана в Петербург на рассмотрение Инженерной комиссии докладная записка. Реализация этого проекта также облегчила бы доставку в город строевого леса и камня, имевшегося в большом количестве по берегам реки Цны ниже Морши.

Стараясь найти поддержку в этом вопросе у своего непосредственного начальника И. В. Гудовича, Державин писал ему: «Вечную вы бы своему имени оставили славу открытием судоходства до Тамбова, ибо тогда то сей город выстройкою своею мог бы скоро прийти в цветущее состояние» [12]. Замечательно, что именно «выстройка», то есть внешний вид стала главным показателем уровня развития города, аргументом, подтверждающим его цивилизованность. Создание внешнего архитектурного образа воспринималось наместниками как первоочередная задача, поэтому регулирование градостроительных процессов приобретало характер не формального чиновничьего наблюдения, а активного творческого вмешательства.

О степени участия генерал-губернатора И. В. Гудовича в архитектурно-строительной деятельности, развернувшейся в Тамбове, можно судить по фразе из письма Н. А. Львова к Г. Р. Державину. Работая над планами общественных зданий для Тамбова, Н. А. Львов писал: «...я надеюсь, что в скором времени оныя будут кончаны к удовольствию Ивана Васильевича (Гудовича. – Н. Г.)». И далее: «А площадь, если бы угодно было Ивану Васильевичу, то мне бы казалось лучше сделать по последнему плану» (судя по фразе Львова, проектов Соборной площади он сделал несколько, как минимум два). И. В. Гудович же принимал решение о строительстве театра, сообщая Г. Р. Державину: «С удовольствием согласуюсь я на построение в Тамбове театра, которому в бытность мою в Тамбове и место вам на городском плане указывал» [9, с. 449, 674]. Таким образом, не архитектор, а государев наместник оказывался последней инстанцией, определяющей художественный облик вверенного ему города, и его представления об архитектурно-пространственном идеале оказывались решающими при формировании городской среды.

Мера участия генерал-губернатора в перепланировке города определялась надписью на копии с подтвержденного плана города Козлова: «Если чего в натуре исполнить будет невозможно и востребует надобность сверх сего расположения, то, поправя предоставить господину в должности генерал-губернатора, однако же не выходя из настоящего основания сего плана» [13]. Таким образом, несмотря на то что подтвержденный план имел силу закона, он не был абсолютно незыблем, и его воспринимали скорее как основу, руководство к действию. Градостроительные предложения генерал-губернаторов считались не нарушением закона, а своего рода адаптацией его к реальной ситуации и, так же как и высочайше подтвержденные, имели силу закона. Причем в этом процессе уже не требовалось повторного рассмотрения и утверждения плана в Комиссии строений: роль и архитектора, и верховного лица брал на себя непосредственно генерал-губернатор. В этом смысле можно говорить о государственном чиновнике как о соавторе градостроительного проекта. Такое «соавторство» было абсолютно необходимо в тот момент, как некий буфер, промежуточное звено между высочайше подтвержденным императорским идеалом и провинциальной российской действительностью, звено, обеспечивавшее определенную связь предметов столь полярных. Именно благодаря ему пространственная утопия с возможно меньшими потерями и наиболее безболезненным путем приспособлялась к реальности и приобретала конкретные материальные формы.

Активное вмешательство (в большей мере вынужденное) генерал-губернаторов и губернаторов в перепланировку города стало для провинции конца XVIII века общим правилом. Это касалось не только губернских, но и уездных городов. Так были внесены изменения в план Козлова, подтвержденный в 1785 году, «а по рассмотрении на месте генерал-губернатором Гудовичем неудобств, постройка проведена по подписанному им в 1785 декабря 31 дня плану» [14]. Город Елатьма «был разбит в натуре... по плану, решенному на месте неудобства Его высокопревосходительством господином Тамбовским и Рязанским генерал-губернатором Иваном Васильевичем Гудовичем» [15].

Вопроса о профессиональной квалификации «соавтора» в данном случае даже не возникало. Конечно, европейское образование И. В. Гудовича (он окончил Кенигсбергский и Лейпцигский университеты) и природный дар Г. Р. Державина дают основание предполагать наличие у них универсального мышления, столь присущего эпохе Просвещения, но самими государственными чинов-

никами архитектурная деятельность воспринималась не в узком профессиональном аспекте, а скорее как средство «создания мира», как путь, по которому «правительство, не обращая внимания на равнодушие общества, вело его к счастью и развитию во что бы то ни стало» [16].

Но степень развития массового общественного сознания была такова, что даже современники высказывали опасения, что россияне «...не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастье, но не поймут ни содержания, ни силы ее (императорского. – Н. Г.) благоволения» [17]. Тогда просвещенческая миссия была возложена на искусство. Приобретение к законам цивилизации приобретало легко воспринимаемые визуальные формы или вообще вставало на путь откровенного развлечения. Не случайно к одному из спектаклей, поставленных в доме Державиных в Тамбове, поэт написал пролог, в котором Гений обращается к Мельпомене и Талии со следующей просьбой:

Где грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткие там тщетно изданы;
Вы умягчайте их игрой своей и тоном,
И просвещению, наукам и законам
Подпорой будьте здесь!

Если бы в пантеон греческих богов входила муза архитектуры, Гаврила Романович непременно обратился бы и к ней. И это было бы закономерно, так как в периоды исторических переломов и становления новых политических режимов именно архитектура становится средством, при помощи которого в относительно короткий срок власть способна и наглядно озвучить свои политические идеалы, и убедительно продемонстрировать первые успехи своего правления. Время перемен, как правило, сопровождается строительной «лихорадкой», в конце XVIII века пафос переустройства охватил не только высшие государственные круги, но и стал неотъемлемой частью гражданской позиции каждого просвещенного дворянина.

Градостроительное и архитектурное переустройство провинции было одной из составных частей «культурной благотворительности» губернского начальства. Генерал-губернаторы и губернаторы, бывшие жители Петербурга и Москвы, воссоздавали в российской провинции элементы своего столичного образа жизни, привнося сюда светскую культуру и давая пример для подражания. Здесь в миниатюре начинал повторяться характер столицы, закреплялись столичные культурные каноны и традиции: устраивались концерты и любительские спектакли, маскарады и фейерверки.

Желая развить общественную жизнь в Тамбове, Державин в начале марта 1786 года обратился с письмом к рязанскому губернатору А. А. Волкову: «Уведомился я, что попечением вашего превосходительства заведен в Рязани редут для увеселения благородного общества. Будучи уверен, что он расположен наилучшим образом и желая удовлетворить здешнему обществу таким же заведением, всепокорнейше прошу приказать с плана того заведения списать копию и пожаловать обязать меня и здешнее общество» [9, с. 480].

А. А. Волков откликнулся на эту просьбу и выслал в Тамбов план и записку «каким образом учрежден в Рязани дом и при нем училище и редут».

По уверению Г. Р. Державина, общественная жизнь в провинциальном Тамбове вполне могла составить конкуренцию московской жизни, «так что начало знатное дворянство не токмо в губернский город часто съезжаться, но и строить порядочные дома для их всегдашнего житья, переезжая даже из Москвы». Эта ориентация на Москву, а еще чаще на Петербург в среде губернской администрации становилась общим местом, причем предпочтение

при сравнении часто отдавалось местным образцам.

Державин прививал провинции столичную салонную светскость. В губернаторском доме два раза в неделю проходили вечерние приемы: по воскресеньям танцы, по четвергам концерты; дети обучались здесь наукам – грамоте и арифметике, а для развития искусств был выпущен танцмейстер и организован певческий класс, руководил которым бывший придворный певчий Аверьянов. Усилиями Гаврилы Романовича в Тамбове была создана типография, где печатались первые в России губернские ведомости. В организации технической стороны дела новому печатному органу активную поддержку оказал замечательный русский просветитель Николай Иванович Новиков.

Под руководством жены Г. Р. Державина Екатерины Яковлевны ставились любительские спектакли, которые до постройки в городе театра проходили в губернаторском доме. Первым поставленным спектаклем стала пятиактная комедия Михаила Ивановича Веревкина «Так и должно». Автора Державин знал лично еще со времен обучения в Казанской гимназии, где Веревкин был директором. Оформлением действия занимался приехавший из Петербурга театральный машинист и декоратор обрусевший итальянец Барзанте вместе с двумя художниками-декораторами Аниловым и Касабуровой. Они «оснастили спектакль довольно сложной по тем временам техникой. Зрители слышали свист ветра и удары грома, наблюдали вспышки молний, появление звезд и восход солнца. По ходу действия в лес спускались с облаков Гений – символ просвещения, Талия – муза комедии и муза трагедии Мельпомена. Заключительная картина пролога изображала украшенную колоннадой площадь с храмом просвещения. Торжественная музыка и хор прославляли науку, просвещение и законы» [18]. Чтобы изобразить все это, должны были применяться довольно сложные передвижные и подъемные механизмы, осветительные приемы и пиротехнические эффекты – все это было заслугой искусного театрального механика Барзанте.

Вскоре в репертуаре этой театральной труппы появилась пьеса Жана Мармонтеля «Земфира и Азор» на музыку Гретри. Мария Орлова, приятельница Державиной по организации тамбовских развлечений, писала ей: «Я Вам, милостивая госпожа моя Катерина Яковлевна, свидетельствую истинное мое почтение и доношу, что мы с Петром Андреевичем роль Шарлоты и Роберта уже вытвердели, почему к представлению остановки за нами не будет». Друзья губернаторской четы, супруги Ниловы, в своем имении содержали крепостной театр и присылали своих крепостных в Тамбов для оформления декораций. «Живописца... я к вам, матушка, для расписывания кулисов отправила, прикажите ему жить у вас, только сделайте милость, прикажите отдать его на руки надежному человеку, который бы во всякое время неотлучно с ним был... по причине, что опять пить начал» [19], – писала Нилова Катерине Яковлевне.

Духовная пища подкреплялась хлебом насущным. Гостеприимные хозяева губернаторского дома выписывали из Петербурга большими партиями вина, к друзьям Капнистам в Малороссию отправлялись заказы на варенья и конфеты, в одном из писем Гаврилы Романовича благодарит В. Н. Загоскина за присылку четырехсот стерлядей. Н. А. Львов, зная денежные обстоятельства Державиных подшучивал над таким образом жизни: «Поскольку бишь вы за всякий праздник своих долгов уплачиваете? Полно, что за праздник? Правда, он должен быть весьма хорош, только нельзя ли мой друг, чтобы он был последний?» [9, с. 415].

По мнению же самого поэта, праздники, устраиваемые им в Тамбове, «...не токмо служили к одному увеселению, но и к образованию общества, а особливо дворянства,

которое, можно сказать, так было грубо и необходимо, что ни одеться, ни войти, ни обращения, как должно благородному человеку, не умели, или редкие из них, которые жили только в столицах». «Образование общества» – какой же еще могла быть цель в эпоху Просвещения? Причем в конце XVIII века для России «образование общества» было процессом одинаково важным в двух смыслах: во-первых, как обучение, воспитание, развитие личности и, во-вторых, как процесс формирования гражданского общества – важнейшего элемента государственной системы. Причем процессы эти оказались взаимосвязанными: через образование, воспитание искусством, чувственное восприятие предполагалось развитие общественного самосознания нации, укрепление общественных связей.

Архитектура, в числе прочих искусств, становилась проводником политических идей; аллегорические образы, большей частью античные, связывались с современностью и приобретали в новой ситуации особый смысл. Например, праздник восшествия на престол Екатерины II, отмечавшийся 28 июня 1786 года в Тамбове, был разыгран как «панегирическое действие», в которое входили шествия, хоры, исполнявшие державинский «Гимн богине» «с музыкою г-на Паизиелло». Он запомнился современникам таким: «...в конце галереи стоял храм, из которого, в подражание древнему афинскому обычаю, вышла группа детей, одетых в белое платье и увенчанных гирляндами на встречу генерал-губернатора. После пропетого хором приветствия Гудовичу были поднесены: юношею, представлявшим Гения, венок из дубовых листьев, а девицею корзина цветов с изъявлением признательности. Вечер кончился балом и иллюминацией, освещавшей три картины. На одной из них, изображавшей появление лучезарного Феба, была надпись: "Торжествуем приход своего благодетеля"».

Городское пространство включалось в праздничное действие, становилось декорацией, и недостроенная церковь представлялась античным храмом, торговые ряды – античной галереей, а главная площадь – театральной сценой. Функциональные свойства архитектуры отступали на второй план, городская среда воспринималась прежде всего как окружение, достойное качественно обновленного образа жизни.

Но архитектурная среда имеет один существенный недостаток: для ее создания требуется время, ее нельзя изменить одномоментно, более того начало созидания почти всегда связано с разрушением и хаосом. Нужно было все строить заново, ждать и, возможно, ждать еще очень долго, не один год, а жить в новых эстетических условиях хотелось уже сейчас. И тогда особую ценность приобрели предметы. В российской провинции знаки новой культуры проще всего можно было внести в интерьер. Изменив интерьер, можно было быстро создать тот фон, на котором предполагалось развернуть «картину» цивилизованной жизни.

Понимая значимость предметного окружения, Державин совершил поступок, о котором в старости вспоминал со смехом, называя его «дурачеством». Будучи назначенным в 1784 году губернатором в Олонец Петрозаводской губернии, он продал золотую табакерку, пожалованную ему Екатериной II за прославившее его стихотворение «Фелица», и заказал на эти деньги мебель не только для губернаторского дома, но и для присутственных мест. Олонец только недавно получил статус губернского центра, правительственных зданий там еще не существовало, и петербургская салонная мебель попала, надо полагать, в обычные карельские избы. Довольно скоро, после ссоры с наместником Тутолминым, Державин был отозван с должности. Модную мебель никто купить не захотел, везти назад в Петербург оказалось накладно, и атрибуты цивилизации были брошены в северной глуши.

О масштабах этой просветительской акции можно судить по письму из Петрозаводска от бывшего подчиненного Державина Д. Свистунова, которому поэт поручил распродать оставшееся имущество. Свистунов пишет: «Харитон Лукич (Х. Л. Зуев – новый правитель Олонецкого наместничества. – Н. Г.) из вашего оставшегося взял (купил. – Н. Г.) столовую посуду, фаянсовую и хрустальную всю, чайный прибор, также оставшиеся вина и масла, оливки и уксус. Из мебели шесть простых ломберных столов, два овальные канапе, один простой, а другой с бронзой, который подешевле, одно (мое любимое) резное сафе, одну дюжину раскрашенных стульев с синими подушками и две дюжины простых английских стульев. Но денег еще ни за что не заплатил, а протчих мебелией никто не покупает».

Когда через год Державин был назначен губернатором в Тамбов, теща отговаривала детей от лишних затрат. И это Матрена Бастидонт, жена любимого камердинера Петра III Якова Бенедикта Бастидонта, кормилица царевича Павла Петровича, жившая не просто при дворе, но и во дворце, и знавшая о роскоши не понаслышке. Матрена Дмитриевна сразу же отправила в Тамбов письмо с наставлениями: «Вы пишете, что дом ваш довольно просторен, и для меня есть особые покои, и вы хотите их отделать. Для меня в комнате лишние уборы не надобно, потому что мне ни на уединении кого принимать; и надобно жить поскромнее, а что мебели мало у вас и то все оставите бес чего обойтись можно, и надобно то вам знать, что вы как прежде в Петрозаводске сполно мебели накупили, какова все стекла дорогова, а ныне и подумайте, что сколько на вас долгу, то надо жить поскромнее. Мебели много не нужно покупать, потому что знать не можете, сколько проживете (в Тамбове. – Н. Г.), и неужели там у дворян мастеров нет, то можно сделать попросить мебели и покрыть материями, а много мебели покупать лишнее».

Наставления оказались напрасными: для мебелирования тамбовских общественных зданий губернатор выписал из Казани 140 шкур сафьяновых козлов. Для увеселения мужского общества был заказан бильярд. Державин писал местному помещику Нилову: «...известно мне, что бильярд ваш делан вашими мастерами, не можно ли, батюшка, приказать сделать и для меня такой же точно?» 26 мая 1786 года губернатор получил ответ: «Бильярд для вас точно такой же, как мой, доделывать приказал, только извините, батюшка, что он поспеть прежде не может разве как месяца через полтора, по причине, что столы должны между тем доделывать для Тамбовского дому окончины, двери и протчее необходимое нужное, чтобы нам иметь удовольствие пожить вместе с вами». В октябре 1786 года Державин обратился с просьбой к В. Н. Загоскину: «Не можно ли взять на себя труд заказать сделать на стеклянном заводе по приложенному при сем образцу сто хрустальных колец, у которых душки были бы покручнее, ежели скорее не можно, то хотя через две недели доставьте их в Тамбов. И по какой цене они стоить будут не оставьте меня без уведомления, я с благодарностью моею вам заплачу» [20].

Петрозаводская история повторялась: хрустальная посуда, бильярд, сафьяновая кожа для обтяжки кресел и стульев, причем все требовалось срочно, «хотя бы через две недели». Искать объяснение в привычке к роскошному образу жизни было бы неверно, будущий великий поэт рос и воспитывался почти в бедности. Правильнее считать, что создание нового окружения осознавалось им как часть просветительской миссии, формирование новой эстетики быта. Почти наверняка он видел частью своих губернаторских обязанностей и необходимость демонстрации некоего художественного примера, образца для подражания.

Общественную жизнь пытались сосредоточить там, где уже была организована новая предметная среда – в комнатах с новой мебелью и посудой или у стен только что выстроенного здания. Изменившимся эстетическим взглядам вполне соответствовали театральные принципы построения нового градостроительного пространства, где все утилитарные свойства, «нужды низкой жизни» были скрыты внутри кварталов, на улице здание «выворачивалось» лицом, «одною переднею фасадою», за которой, как в предложении Комиссии строений, могла оказаться пустыня.

Архитектура приобретала особую самоценность как признак новой жизни, иллюзия цивилизованности, своеобразная «кулиса», «задник», на фоне которого разворачивается действие. Переплетение реального и сценического, архитектуры и театра можно встретить на проектах и рисунках Кваренги, выполненных им для Эрмитажного театра. Здесь грань между реальным архитектурным и условным сценическим пространством почти стерта, и конструктивно работающие колонны незаметно переходят в бутафорские.

Причиной внедрения театральных принципов в реальную жизнь, в том числе в архитектуру, послужило то всеобщее увлечение театром, которым было пронизано этот период общество. XVIII век – век театральный. Все пишут пьесы – от провинциального учителя до императрицы Всероссийской, по всей стране создаются театры – от столичных императорских до домашних крепостных в далеких помещичьих усадьбах. Театром удивляли, как редкой экзотической вещицей, такое отношение вовсе не снижало культурной значимости театра. Участники действия чувствовали себя причастными ко «всему просвещенному человечеству». «Входить в рассуждение о пьесах» стали не только знатоки, но и профаны. Сама Екатерина II признается в письме к Гримму: «...вы знаете, как я люблю театр, праздники и вязанье» [21].

Театрализация жизни, даже самых обыденных ее проявлений, была свойственна и Г. Р. Державину. Праздники же были поводом для устройства особого действа. В 1786 году тамбовские дворяне представили «Пролог в одном действии, с музыкою на открытие в Тамбове театра и народного училища», сочиненный господином губернатором. В «Прологе» – традиционно-торжественном и высоком зрелище – перед мальчиками разного сословия, что желали «учиться и трудиться», излагались принципы просвещения. Заканчивался Пролог апофеозом: два хора пели славу Петру Великому («Бессмертен ты, великий Петр») и Екатерине II («Сияй, любезная планета / Пресветлой красотой твоей»).

Но весь этот государственный пафос должен был найти поддержку, живой отклик в народной среде. И Державин вносит в сценарий действия новый поворот, в котором звучит этот «глас народа». Сцена «неожиданного» обращения к торжественной процессии козловского однодворца Захарына: «Держаю остановить тебя, почтенное собрание среди шествия твоего», – безусловно, была не только написана, но и срежиссирована самим Державиным, о чем он признавался позднее в своих «Записках». Поэт тщательнее обдумывал каждую мизансцену: «...однодворцу не было приличного места, где бы ему ту речь по состоянию его сказать можно было (ибо в церкви нельзя, для того, что он был не церковнослужитель; в школе также неместно, ибо не был ни учитель и не принадлежал к чиновникам сего заведения».

Решено было остановить процессию на пороге здания народного училища. Не ожидавшие такого поворота участники шествия, вероятно, оказалась в растерянности, но подоспевший вовремя «губернатор тотчас подступя, пригласил их в училище, где уже и говорена была речь перед портретом Императрицы». Возвышенная речь

Захарьина и возложение им своего малолетнего дитяти к портрету Екатерины II со словами: «В сей храм, исторгая из объятий матерних сына моего с радостным восторгом передаю я, да будет он человек!» – вызвала восторг у публики, ничего не подозревавшей о разыгранном спектакле. По словам Державина, «сие трогательное действие так поразило всех зрителей, что никто не мог удержаться от сладостных слез, в благодарность просветительнице народа пролианных, и надавали оратору столько денег, что он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака» [9, с. 561].

Порой Державин выступает не только как драматург и режиссер, но и как сценический художник, тщательно, до мелочей выстраивая окружение к «спектаклю», в котором сам же является одним из действующих лиц. Окружение, архитектура – это декорация, и по условиям классицистического спектакля она должна быть пышной. Но новое строительство, особенно в провинции велось крайне медленно и фрагментарно, и это заставляло порой прибегать к приемам театрального искусства в полном смысле слова.

Так, в связи с тем что, согласно подтвержденному плану, имевшему силу закона, территория архиерейского огорода была отдана под застройку городским жителям, тамбовский архиерей Феодосий в мае 1786 года направил Державину письменную просьбу: «Превосходительный господин, м-гдръ Гаврила Романович! По подтвержденному Ея Императорским величеством при составлении в 767 году штатах духовным местам учреждения, велено при градовых и загородных архиерейских домах оставлять из ближних к тем домам места для овощных огородов и садов, каковые здесь в Тамбове по близости к дому архиерейскому из крепостной домовою архиерейской земли оставлены и на них сад и огород разведены. А ныне небызвестно мне, что овощной огород в некоторых местах другим живущим людям под строение домов раздается. ... под строение посторонним людям, без чего и приходится неминуемо претерпевать в огородных овощах не только крайнюю нужду, но и немалый вред, поскольку всякий потребный овощ должно будет покупать на торгу» [22].

Державин обсуждал этот вопрос с генерал-губернатором, после чего И. В. Гудович писал Феодосию: «...он (Державин. – Н. Г.) полагает требуемый Вашим Преосвященством квартал вам оставить, кроме тех мест, которые будучи взяты некоторыми обывателями еще в прошлом 1785 году частично ими и застроены». Сам Державин эти требования сформулировал еще более конкретно: «... но и с тем, чтоб сохранить высочайше подтвержденного плана фасады в настоящем их виде, хотя не домовую застройкою, но, по крайней мере, обнесено было бы красными заборами, в подобие настоящих строений» [22]. Так городская среда оказывалась в прямом смысле декорацией.

Создание бутафорского пространства было в определенной мере альтернативой реальному строительству, которое велось чрезвычайно медленно. Это был некий порыв к образу, стремление сжать, преодолеть время и получить мгновенный результат. Желание увидеть будущее уже сейчас изменило обыденное восприятие и сформировало особое художественное зрение, способное фокусировать взгляд и видеть то, что хочешь видеть, не замечая при этом остального. Такой художественный взгляд был способен обмануть сам себя и выдавать желаемое за действительное.

Это не было знаком наивного, неразвитого видения, скорее наоборот, означало владение определенной знаковой системой, в которой, как в игре, условия оговорены заранее. И тогда достаточно было только обозначить пространство, установить определенный знак,

символ, чтобы «включилось» воображение. Неважно, что каменные строения были нарисованы на деревянных щитах, и ужасно искажался их масштаб, потому что на двухметровом заборе изображалось двух-трехэтажное здание: фантазия могла преобразить реальность. Все переплеталось в художественном воображении, и все становилось возможным или хотя бы возможным когда-то. Это было некое умозрительное путешествие в будущее, и оно было настолько захватывающим и увлекательным, что его картонность и игрушечный масштаб просто старались не замечать (как в современных диснейлендах). С этой точки зрения становятся понятны и разборные «потемкинские деревни» (не настолько наивна была Екатерина II, чтобы позволить себя так дурачить), и расписанные на щитах фигуры в садах Андрея Тимофеевича Болотова, и приведенное выше распоряжение Державина.

Расцвет архитектуры и градостроительства в эпоху классицизма стал возможен прежде всего потому, что пространственные преобразования стали одной из целей государственной политики и оказались в зависимости от государственной власти различных уровней. Ее представители – генерал-губернаторы и губернаторы были вдохновлены идеалами эпохи Просвещения, под лозунгами которых преобразовывалось российское государство, и охвачены гражданским пафосом всеобщего реформирования. А, по замечанию А. Г. Габричевского, в периоды расцвета культуры «кислотным глазомером, изощренным чувством нюанса в пространственной и объемной форме обладали не только сами художники, но и те зрители, для которых создавались художественные произведения». Возможно, поэтому активное вмешательство государственных чиновников в архитектурный и градостроительный процесс в эпоху классицизма дало положительный результат.

Литература

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М., 1987. – С. 182.
2. Архив князя Воронцова / ред. П. И. Бартенева. – 1885. – Кн. 31. – С. 76.
3. РГАДА. Ф.16, оп.1, д. 968, л. 11–12 об., 15 об., 15, 14–14 об.
4. РГАДА. Ф. 248, д.4838, л. 3 об.
5. РНБ ОР. Ф. 247 (Г. Р. Державин), т.14, л. 32 об., 33 об.
6. ГАТО. Ф.2, оп. 8, д. 22.
7. РНБ ОР. Ф. 247, т. 14, л. 68.
8. РНБ ОР. Ф. 247, т. 13, л.101, 106.
9. Державин Г. Р. Сочинения (с объяснительными примечаниями Я. Грота). – 2-е акад. изд-е. Т. 5 : Переписка 1773 –1793. – СПб., 1876. – С. 674.
10. РНБ ОР. Ф. 247, т. 14, л. 33 об.
11. РНБ ОР Ф. 247, т.15, л.17–19.
12. Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом. В 2 т. – СПб., 1880. – Т. 1. – С. 426.
13. РГАДА. Ф. 1356, оп.1, д. 5880.
14. РГАДА. Ф. 1354, оп.1, д. 5876.
15. ГАТО. Ф. 29, оп. 1, д. 17, л 27.
16. Андреевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. – СПб., 1864. – С. 153.
17. Винский Г. С. Мое время // Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – № 1–4.
18. Долженкова М. И., Толмачев Ю. А. Тамбовская художественная культура : учебное пособие. – Тамбов, 2006.
19. РПБ ОР. Ф. 247, т. 13, л. 291, 292.
20. РНБ ОР. Ф. 247, т. 13, л. 102, 256, 289, 397, 563.
21. Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. – СПб., 1884. – С. 410.
22. РГИА, Ф. 1400, оп. 1, д. 697, л. 1–8.